

Когда отдыхают ангелы

Марина Аромштам

Дети vs взрослые

Марина Аромштам

Когда отдыхают ангелы

ИД "КомпасГид"

2010

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Аромштам М. С.

Когда отдыхают ангелы / М. С. Аромштам — ИД "КомпасГид",
2010 — (Дети vs взрослые)

«Все могло сложиться по-другому, если бы у меня был папа. Тогда мама могла бы с ним посоветоваться. Посоветовалась и не отдала бы меня учиться к Татьяне Владимировне. Татьяна Владимировна не сказала бы: «Встать! Руки за голову!» Дедушка не пришел бы в ужас и не стал бы настаивать на моем переводе в другую школу. И я не попала бы в класс к Марсём. Это Марсём рассказала нам об ангелах – о том, что они должны отдыхать. С тех пор прошло много лет. Но когда со мной что-нибудь случается – плохое или хорошее, – я об этом вспоминаю». Но прежде, чем Марсём рассказала об ангелах, в жизни Алины произошло множество событий: В.Г. начал приходить в гости, принцы совершили подвиг, класс обрел нового ученика, а шкафчики лишились магнитов... Роман Марины Аромштам «Когда отдыхают ангелы» получил Национальную детскую литературную премию «Заветная мечта», Приз детской признательности за открытие и приобщение к миру чтения «Размышление о Маленьком Принце», был отмечен премиями им. А. Толстого и Л. Толстого, вошел в список «Нравится детям Ленинградской области» и список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой. Иллюстрации Ильи Донца и Маргариты Щетинской.

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Аромштам М. С., 2010

© ИД "КомпасГид", 2010

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	10
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Марина Семеновна Аромштам

Когда отдыхают ангелы

© Аромштам М. С., текст, 2010

© Донец И. А., Щетинская М. С., иллюстрации, 2010

* * *

Средневековые богословы всерьез обсуждали, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы, но так и не пришли к единому решению. Про ангелов до сих пор ничего толком не известно.

Говорят, они умеют летать. И у них, наверное, есть крылья. Но есть ли у ангелов ноги? Можно ли сказать: «Ангелы сбились с ног»? Или надо говорить: «Ангелы сбились с крыльев»?

Часть первая

1

Все могло сложиться по-другому, если бы у меня был папа. Тогда мама могла бы с ним посоветоваться. Посоветовалась и не отдала бы меня учиться к Татьяне Владимировне. Татьяна Владимировна не сказала бы: «Встать! Руки за голову!» Дедушка не пришел бы в ужас и не стал бы настаивать на моем переводе в другую школу. И я не попала бы в класс к Марсём. Это Марсём рассказала нам об ангелах – о том, что они должны отдыхать. С тех пор прошло много лет. Но когда со мной что-нибудь случается – плохое или хорошее, – я об этом вспоминаю.

А если бы у меня был папа, я никогда бы об ангелах не узнала. Поэтому неизвестно, хорошо это или плохо, что его тогда не было.

Конечно, я знала: так не бывает, чтобы папы вообще не существовало. Где-нибудь – во времени или в пространстве – он обязательно есть. Должен быть. Хотя бы на Луне. Мой папа, например, жил в далекой, прекрасной Франции, на родине шампанского, великих революций и гениальных художников. Это немного ближе, чем на Луне. Но, с точки зрения практической жизни, родина художников от Луны ничем не отличается. Поэтому Наташка и пыталась меня убедить, что всякие там папы – просто рудименты и атавизмы.

Слова «рудименты и атавизмы» Наташка произносила громко и отчетливо и не уставала объяснять их значение. Рудименты и атавизмы – это органы. Они требовались человеку, когда он был животным. А потом, в ходе эволюции, человек этими органами пользоваться перестал, и они за ненадобностью стали исчезать. Не сразу, конечно, а постепенно. Сначала ненужные органы становились очень маленькими, а потом и вовсе рассасывались. Чтобы ненужные органы исчезли, должно пройти много времени – иногда миллион лет. Но некоторым органам этого мало. Вот хвост у людей рассосался, и от него осталось две-три косточки – не больше. Это почти незаметно. А аппендикс и гланды не рассосались. Пользы от них никакой, зато непри-

ястностей они доставляют порядочно. Поэтому их вырезают. Не всем, конечно: это же больно. Но жить без аппендикса и желез можно. Даже очень хорошо без них жить, потому что они – рудименты и атавизмы.

Наташка с жестким удовольствием заносила в этот ряд еще и пап, хотя, на мой взгляд, их нельзя было без оговорок приравнять к аппендиксу. Но она изо всех сил пыталась донести до моего сознания суть последних научных достижений: дети появляются на свет вовсе не по причине наличия папы, а из-за того, что сперматозоид сливается с яйцеклеткой. Раньше, может быть, папа и был необходим. Но только в те времена, когда люди были совсем дикими. А теперь все изменилось. Не понимают таких простых вещей только хулиганы и какие-нибудь отсталые люди, которые и зубы-то чистят пальцем. Из рассказов Наташки получалось, будто яйцеклетки и сперматозоиды – автономные существа, перемещающиеся в пространстве загадочным образом. Наташка не опускалась до уточнения мелких деталей и в подтверждение своих слов ссылалась на авторитетный источник – детскую энциклопедию под названием «Откуда я появился?». Она открывала ее то на одной, то на другой странице и с видом человека, собаку съевшего в вопросах размножения, тыкала пальцем в рисунки. На одной картинке был нарисован большой ромбик с желтым шариком и белыми мешочками внутри, а вокруг – кружочки с хвостиками, похожие на головастики. Под картинкой было написано: «Сперматозоиды вокруг яйцеклетки». На другой картинке один головастик прорывал контур ромбика, так что снаружи болтался только его хвостик. А на третьей вместо одного ромбика были нарисованы два, плотно прижатых друг к другу, и стояла подпись: «Клетка начинает делиться».

«Ну что? Видишь?» – торжествовала Наташка. По ее словам получалось, что главное – вовремя отловить этих головастиков и поместить в надежное место, в пробирку. А потом можно распоряжаться ими по своему усмотрению. И не нужно никаких пап. Никаких дурацких свадеб, которые пожирают огромные деньги, никакой стирки вонючих носков, всех этих ужасных и унижительных усилий, которые все равно кончаются разводом. А что такое развод для ребенка? Это как рана. Будто тебе вдруг взяли да что-нибудь отрезали. Пусть даже и какой-нибудь рудимент.

Тут я ничего не могла возразить. Наташке было виднее: ее родители в это время разводились. В результате она совсем перестала делать уроки и испытывала терпение Марсём, сочиняя истории про кота, писающего на тетрадки, про свое активное участие в дорожных происшествиях и про страшную занятость по выходным в связи с поездками к таинственной тете – источнику знаний про рудименты и атавизмы. На самом деле она часами сидела на диване, разглядывала энциклопедию и строила планы по поводу выведения собственных детей в пробирках с помощью последних достижений научного прогресса. Она хотела двух девочек и одного мальчика.

Желая обрести во мне единомышленника, Наташка прибегала еще к одному аргументу: клеточный подход к проблеме избавлял от риска влюбиться без взаимности. Благодаря автономному существованию сперматозоидов и яйцеклеток, отсутствие взаимности никак не отражалось на возможности завести детей и жить счастливой семейной жизнью. Не то чтобы подобная перспектива очень меня радовала, но я тогда была влюблена в Егора и нуждалась в каком-нибудь утешении.

Правда, утешение это было слабым. Другое дело, если бы у меня был папа (пусть даже это и рудимент!), с которым я могла бы ходить за руку – туда, где делаются настоящие мужские

дела. И там мы бы случайно встретили Егора с его папой, и наши папы подружились бы. Они бы по-мужски жали друг другу руки и что-нибудь делали вместе. А мы бы с Егором им помогали. И тоже сильно подружились. Стали бы как брат и сестра. И тогда Егор часто приходил бы ко мне в гости, и танцевал бы со мной на уроках хореографии. Он был бы всегда рядом. Почти всегда. А случись что-нибудь, он бы меня защитил. Или спас. Ведь он такой умный, такой сильный и хороший! И все девчонки умерли бы от зависти. А я бы не загордилась, нет. Ну, да! Вот я, а вот Егор. И мы всегда вместе. Что в этом такого особенного?

Но у меня не было папы, который мог обеспечить мне такую счастливую жизнь. Он жил на родине шампанского, во Франции. А это почти как на Луне. Иногда, мечтая о дружбе с Егором, я представляла, как папа в выходной день сидит в ресторане на самом высоком этаже Эйфелевой башни, с бокалом этого самого шампанского, а перед ним, как на ладони, весь город. И он думает: «Как там моя девочка, моя дочь? Надо бы пригласить ее в гости, вместе с другом Егором, – показать им Париж с высоты птичьего полета».

Но мой папа, скорее всего, ничего такого не думал. Как объясняла мама, он вообще ни о чем не мог думать, кроме своих задач. Он был математиком. К слову «математик» прибавлялось еще определение – «сумасшедший». Или «гениальный». Выбор определения зависел от маминого настроения. У моего папы была не очень понятная работа – решать задачи. В школе на уроках мы решали задачи. Можно было решать задачу минут десять или пятнадцать. Иногда (очень-очень редко) задача совсем не решалась. Это означало: нужно у кого-нибудь спросить, что требуется делать. А потом потренироваться, чтобы в следующий раз справиться. Но решать задачи, которые до тебя никто не решал? Специально для этого приходиться на работу?

Мама говорила, некоторые сложные задачи папа решал месяцами. А на одну ушел целый год – тот самый год, когда я должна была родиться. Далекой и прекрасной Франции для решения задачи требовался хороший математик. И мой папа вызвался быть этим математиком. К тому же папе нравилась Франция и все, что с ней связано. Поэтому из роддома нас с мамой забирал дедушка.

Дедушка надел белую рубашку – ту, в которой он когда-то ходил с бабушкой в театр, – побрызгал себя своей любимой туалетной водой и приехал за нами на машине. На медсестру, выдававшую детей, дедушка произвел самое приятное впечатление – таким веселым и молодым он выглядел. Медсестра с удовольствием приняла от него коробку конфет и вручила ему сверток с кружевными оборками, внутри которого была я. Малышке (то есть мне) повезло, сказала медсестра. И моей маме тоже. Не то что некоторым! За некоторыми вообще никто не приезжает. «А как же они?» – испугалась за них мама. – «Да никак. Так и идут. Или такси какое поймает!» Мама вздохнула, и мы поехали домой.

2

Французская задача, за которую взялся мой папа, не имела решения. Но в далекой Франции от этого не расстроились. В математике это допустимо – чтобы не было решения. Папе тут же дали решать другую задачу, и он так и не вернулся.

Поэтому мы жили втроем: я, мама и бабушка. Мама тоже решала задачи. Не такие, как папа, а другие. Те, что «ставила перед ней жизнь». И решения к этим задачам обязательно должны были находиться. Как, например, решение с моим поступлением в первый класс.

Как я уже говорила, маме не с кем было посоветоваться – с кем-нибудь близким и дорогим. Обычно она советовалась с бабушкой, но бабушка в это время был в командировке.

И мама советовалась с тетей Валей из соседнего подъезда. Вообще-то мама не собиралась с ней советоваться. Это получилось случайно. Тетя Валя встретила маму в магазине и спросила, записали меня уже в школу или нет. Мама сказала: пока нет. Они с бабушкой еще не решили, куда меня отдать. Они хотели бы найти для меня какую-нибудь хорошую учительницу. «Что значит – «хорошую»?» – тетя Валя потребовала от мамы объяснений, и мама растерялась.

Это не значит, будто она не знала. Она знала, ведь они с бабушкой много про это говорили. В таких разговорах бабушка всегда ссылался на бабушку. Бабушку я никогда не видела, она умерла еще до моего рождения. Но, по словам бабушки, моя бабушка была очень мудрым человеком. Не просто мудрым, а по-своему великим. И спорить с ее представлениями о жизни – бабушка показывал это всем своим видом – было бы просто нелепым. Особенно теперь, когда она умерла.

А бабушка считала: самое ценное в человеке – его внутренний стержень. Стержень – ось человеческой личности, как позвоночник – ось тела. Его нельзя увидеть или пощупать. Но отсутствие стержня в человеке сразу ощущается. И если этот стержень был, а потом сломался, весь человек изнутри распадается на куски. С виду вроде бы ничего не изменилось, а на самом деле – сплошной человеческий лом.

Учительница должна бережно относиться к детским стержням, думали бабушка и бабушка. Только как это определить? Вот приходишь ты в школу. Там сидит какая-нибудь женщина и записывает детей в первый класс. Ты же не можешь прямо ее спросить: «Скажите, вы разбираетесь во внутренних стержнях?» Бабушка это понимала. И бабушка понимал. И он много раз рассказывал, как нашли учительницу для моей мамы.

Однажды в апреле, незадолго до того, как маме исполнилось семь лет, бабушка с бабушкой проходили через парк. Стояла прекрасная погода, в парке было полно людей. Весеннее солнышко выманило на улицу даже учительниц со школьниками. Учительницы стояли кучкой и беседовали, лениво отзываясь на редкие жалобы кишащих вокруг детей. А одна учительница была далеко от этой кучки – там, где дети прыгали через ручей, вырвавшийся из-под снега. Ручей весело булькал, довольный, что с ним играют и что вместе с детьми через него скачет учительница.

А ведь можно было забрызгать одежду! Или промочить ноги! Бабушка посмотрела на прыгающую учительницу и как-то сразу догадалась: эта в стержнях разбирается. (На бабушкином лице отражались смешанные чувства – нежность и полное признание удивительной бабушкиной прозорливости.) Она потихоньку отошла в сторону одну девочку и спросила, в каком классе эта учительница будет работать на следующий год. Выяснилось – в первом. Бабушка тут же пошла в школу и записала к ней маму.

Потому что бабушка была мудрой женщиной и по-своему великим человеком.

Прыгающая учительница учила маму целых четыре года. Мама была отличницей. А теперь вот стала замечательным специалистом. Да еще растит такую дочку! Тут дедушка гладил меня по голове.

Но когда пришло время записывать в первый класс меня, воспользоваться бабушкиным способом не удалось. Снег в ту зиму растаял рано, и лужи быстро высохли. Дедушка досадовал, вспоминал бабушку и предлагал маме творчески подойти к поставленной задаче. А потом уехал в командировку, отложив решение вопроса до своего возвращения.

Объяснить все это тете Вале из соседнего подъезда мама, конечно, не могла. Поэтому она замялась и стала что-то бормотать про отношение к детям. Тетя Валя ответила сурово и категорично: «Глупости! Учительница должна давать крепкие знания. Вот что такое хорошая учительница! Потому что начальная школа – это фундамент».

Мама не стала уточнять, о каком фундаменте идет речь. Подразумевалось, будто это и так понятно. Упомянутый фундамент был таким же невидимым, как и стержень, и мама малодушно допустила, что фундамент в данный момент важнее. К тому же тетя Валя очень энергично на нее набросилась и стала убеждать, что они (мама и дедушка) зря тянут резину и что-то нелепое себе фантазируют. Ребенок должен идти в школу. Обязательно. Нечего терять год. Особенно, такому ребенку, как я. Этот ребенок тоже все время фантазирует. Она, тетя Валя, меня видела и знает, что говорит. Это фантазирование ни к чему хорошему не приведет. Человек весь изнутри истончается и становится что твое стекло. Чуть тронул – звенит, слегка заденешь – бьется. Так и получают люди, не приспособленные к жизни. А надо загрублять. Кожу ребенку наращивать. Для этого школа и нужна. И для знаний. Чтобы фундамент был. На месте моей мамы тетя Валя прямо сейчас побежала бы и записала меня к Татьяне Владимировне. Если там еще есть место. На прошлой неделе тетя Валя записывала в школу своего Ванюшку, и мест уже не было. Слова о фундаменте и моей неприспособленности к жизни произвели на маму сильное впечатление. Так как успокоить ее было некому, она, вернувшись из магазина, сразу пошла к Татьяне Владимировне, и та записала меня к себе в класс. Двадцать седьмой по списку, хотя разрешалось записывать только двадцать пять человек. Татьяна Владимировна пошла маме навстречу. Узнала, что у дедушки своя фирма, что он может помочь с ремонтом класса, – и записала. Только поэтому. И мама обрадовалась, что задача решена.

Как оказалось, она ошиблась.

3

Мы с Татьяной Владимировной не сошлись характерами. Так иногда говорила мама, объясняя, почему папа живет во Франции. Это очень важное основание, чтобы не жить вместе, – разные характеры.

Вот и мы с Татьяной Владимировной не сошлись характерами. Правда, никто об этом не знал. Ни мама, ни дедушка, который по возвращении из командировки отправился платить за ремонт класса. Вернулся он молчаливый и озабоченный, поскольку при встрече с Татьяной Владимировной так и не смог понять, разбирается она в стержнях или нет. И мама тогда на него набросилась с упреками, что ему просто жалко денег, он хочет, чтобы я потеряла год и выросла без всякого фундамента, не приспособленная к жизни, что твое стекло.

Это было несправедливо. Дедушка не был против фундамента. И денег он никогда не жалел, если они шли «на благие цели». В прошлом году он перевел деньги на одежду для детей из детского дома, а потом купил холодильник в инвалидное общество.

Надо было посоветоваться, сказал дедушка. Вот бабушка всегда с ним советовалась, хотя была очень мудрой женщиной и по-своему великим человеком. Тут мама вспыхнула и заявила: ей не с кем советоваться. Тот, с кем она могла бы советоваться, решает во Франции свои дурацкие задачи. А потом заплакала – из-за задач и из-за учительницы. Ведь она беспокоилась! И дедушка утешал ее, как маленькую, и говорил, что, может быть, все еще будет хорошо. Бог с ним, с фундаментом. Если потребуется, он снова заплатит за ремонт. Только пусть мама не переживает. Ей нужны силы, чтобы воспитывать дочку, то есть меня.

И я пошла в класс к Татьяне Владимировне.

Существует такой закон: надо любить свою первую учительницу. Все дети подчиняются этому закону. И Татьяна Владимировна для этого закона очень подходила. Она была красивой, в модной кожаной юбке и с ногтями, выкрашенными маленькими оранжевыми квадратиками.

Но мне помешало несходство характеров.

Первого сентября Татьяна Владимировна привела нас в класс и велела сдать букеты. Первоклассники должны идти в школу с цветами. Это тоже закон. Поэтому первого сентября в школе бывает много цветов. Слишком много. От этого они даже теряют в своей красоте.

Мы сложили цветы на стол, а потом Татьяна Владимировна поставила их в ведра для мытья полов. Ведра были приготовлены заранее, и в них уже была налита вода. Только два букета она поставила на стол в вазы. На одном букете сидела большая пластмассовая божья коровка, а другой был украшен цветными бантиками. И еще один букет – маленький, но в золотой обертке – примостился в баночке на подоконнике.

Сегодня очень важный день, сказала Татьяна Владимировна, начало нашей школьной жизни. Это праздник, поэтому мы будем рисовать цветы. И показала, что надо делать: нарисовала мелом на доске вазу, а в ней – стебелек. На стебельке в шахматном порядке аккуратно располагались листики, похожие на овалы, но с острыми носиками, а на конце стебелька – цветочная головка с круглой серединкой и ровненькими лепестками. Немного похоже на ромашку. Нужно было украсить вазу узором, сосчитать, сколько в ней цветов, а потом поднять руку и сказать Татьяне Владимировне.

Я посмотрела на доску и поняла, что не хочу так рисовать. Почему я должна рисовать вазу, если мой букет сидит в ведре?

Дедушка не стал покупать цветы в магазине, а привез их с дачи. Специально поехал и привез. Эти цветы вырастила мама. Она растила их все лето, заботливо пропалывая, подвязывая и нашептывая какие-то слова. Может быть, про то, как необходим мне фундамент для будущей жизни. Мама говорила, цветы на клумбе особенные, потому что пойдут со мной в первый класс.

Теперь мои особенные цветы сидели в ведре для мытья полов вместе с другими букетами, и им было тесно. Я чувствовала, как им тесно. И еще у моих цветов не было отдельных лепестков, как на рисунке у Татьяны Владимировны. Это были астры. Я знала, что «астра» означает «звезда», а лохматые головки напоминают пучки света, которые звезды выбрасывают в космос. У каждой звезды бесконечное множество лучей, их нельзя сосчитать. Про бесконечное множество мне рассказал дедушка. Он говорил, это самое главное в математике и вообще – в жизни.

Я решила нарисовать огромное ведро – такое большое, чтобы цветы не чувствовали тесноты. И у них должно было быть много-много лепестков – не три, не четыре, а бесконечное множество – будто это вспышки далеких звезд.

Прошло немного времени, и Татьяна Владимировна стала спрашивать: «Сколько цветов в вазе? Сколько лепестков у каждого цветка?» Все отвечали по очереди, и она всех хвалила. Я представляла, как она обрадуется, когда я скажу: «А у меня – бесконечное множество. Потому что сегодня праздник – первое сентября, а бесконечное множество – это самое важное!»

Татьяна Владимировна, однако, совсем не обрадовалась. Она сказала, нужно внимательно слушать задание. И ваза у меня какая-то странная, бесформенная. Как бочка. Впредь мне надо стараться быть аккуратной. Тогда все будет получаться красиво. А мы всё должны делать красиво, – она мельком взглянула на свои оранжевые ногти, – потому что теперь мы школьники. Но сегодня она мне прощает. Всю мою неаккуратность. Сегодня праздник, первое сентября, мы еще только начали учиться, и у нас все впереди.

Через некоторое время был еще один урок рисования. Мы рисовали неваляшку. Надо было начертить четыре круга – два больших и два маленьких – и сосчитать. А потом нарисовать неваляшке лицо и раскрасить. Я хорошо умела рисовать круги и быстро выполнила задание. Потом посмотрела на картинку и увидела, что нарисованной неваляшке очень одиноко. Она, неваляшка, не может ни лечь, ни сесть. Но должна же она что-то делать? А ей даже поговорить не с кем! И тогда я нарисовала рядом с первой неваляшкой еще двух – одну поменьше и одну побольше. Получилась целая семья. Самой большой неваляшке я нарисовала бороду, чтобы было видно: это неваляшка-дедушка, а рядом стоят неваляшка-мама и неваляшка-девочка. У каждой неваляшки по два больших круга и по два маленьких. Всего шесть больших и шесть маленьких. А можно еще по-другому: у одной неваляшки четыре кружочка, а у трех – в три раза больше. Три раза по четыре. Так научил меня считать дедушка. Но главное не это. Главное, что неваляшкам, когда их три, не скучно!

Татьяна Владимировна проходила по рядам и смотрела, кто что нарисовал. Она заглянула в мой альбом и ни о чем меня не спросила. Просто взяла и показала моих неваляшек другим ребятам.

– Какую ошибку допустила Алина? – спросила она с привычной ласковой строгостью, не допускающей возражений и не позволяющей перестать ее любить.

Все тут же подняли руки и стали трясти ими в воздухе. Татьяна Владимировна вызвала одного толстого мальчика, который весь вытянулся, как солдатик на параде, и громко сказал:

– Нам задавали нарисовать одну неваляшку, а она нарисовала трех!

И все сразу почувствовали, что я совершила что-то плохое. Какое-то глубоко неправильное дело.

Татьяна Владимировна одобрительно кивнула мальчику-солдатику, позволила ему сесть, а потом поделилась с классом своими подозрениями:

– Алина, наверное, не умеет смотреть. Или у нее что-то с глазами. Какая-то болезнь. Вот это что такое?

Она взяла карандаш и показала на неваляшку-дедушку.

– Это борода, – сказала я тихо. По правилам я должна была что-то сказать.

– Вы слышали? – некоторое время Татьяна Владимировна одобрительно взирала на развеселившийся по команде класс, а потом призвала учеников к молчанию. – Вы где-нибудь видели неваляшку с бородой? И я не видела. Ни-ко-гда. Мы учимся в первом классе, и я пока не ставлю вам оценки. Но за эту бороду нужно было бы поставить двойку.

Татьяна Владимировна повернулась ко мне и, возвращая альбом, гулко его захлопнула:

– Переделай рисунок дома. Как требовалось. Завтра мне покажешь.

Потом она стала хвалить работы других детей. Все дети уверенно считали круги, и за это Татьяна Владимировна раздавала им картонные солнышки. Я тихонько поглаживала обложку альбома, чтобы неваляшки не расстраивались, и приговаривала: «А мне солнышки не нужны, а мне солнышки не нужны».

Дома я открыла альбом, положила перед собой картинку и некоторое время на нее смотрела. Неваляшки, казалось, не чувствовали обрушившегося на них позора, и та, которая с бородой, ласково смотрела на неваляшек поменьше. От этого глаза у нее чуть-чуть сдвинулись вправо, придавая лицу лукавое выражение. Я взяла карандаши и нарисовала дорожку, по которой неваляшечья семья тут же отправилась гулять. А вокруг нарисовала бабочек. Я тогда очень любила рисовать бабочек. Гораздо больше, чем цветы. Бабочки – это и есть цветы, как-то сказала мама. Только летающие.

Дедушка пришел с работы, и я показала ему картинку. Он долго и с удовольствием разглядывал неваляшек, жалел, что бабушка этого не видит, а потом попросил подарить ему рисунок. Дедушка повесит его над столом в кабинете. Если ему вдруг станет грустно, он посмотрит на картинку и сразу перестанет грустить.

Я вырвала листок из альбома и подарила дедушке. А другую неваляшку рисовать не стала, хотя мне было страшно: вдруг Татьяна Владимировна станет меня ругать?

Но она не стала. Она забыла.

4

Довольно быстро выяснилось: все ученики в классе делятся на неравные группы. Первая группа была маленькой. В нее входили умные дети – как тот мальчик-солдатик. Татьяна Владимировна часто к ним обращалась, говорила, что он или она – «молодец». И солдатики получали больше всех картонных солнышек.

Все остальные были Татьяне Владимировне неинтересны и вызывали скуку. Скука была невероятно заразной и оказалась бы невыносимой, если бы не наличие третьей группы. Ее представители никогда не получали солнышек. Время от времени Татьяна Владимировна о них вспоминала и говорила: «Так. Все молчат и работают самостоятельно.

Я занимаюсь с дураками!» Дураки вставали рядом с партами, и Татьяна Владимировна с раздражением начинала требовать, чтобы они что-то повторили – еще и еще раз. В эти моменты она нехорошо возбуждалась, и в ее красивом лице чувствовалась недобрая, но живая жизнь.

Особое место в группе дураков занимал Колян. Татьяна Владимировна, обращаясь к нему, всегда несколько повышала голос: «Воротов! А ну – сядь! Ты успокоишься когда-нибудь? Ничего не соображаешь, так сиди тихо!» Но дети называли его Колян: «Колян сказал», «Колян кинул (уронил, толкнул, сделал)».

Колян был не просто дураком, от которого по непонятным причинам ускользали буквы и цифры в их подлинном значении. Колян был сумасшедшим. Не сильно, а чуть-чуть. Он не мог сидеть спокойно. Внутри у него работал какой-то бессмысленный механизм, заставлявший внезапно взмахивать руками, пищать или хрюкать. Татьяна Владимировна от этих незапланированных звуков выходила из себя. Я ее понимала – несмотря на несходство характеров. Мне тоже не нравилось, когда кто-то ни с того ни с сего начинает кукарекать. Но с этим ничего нельзя было поделать. И это создавало некоторую непредсказуемость в нашей невыразительной школьной жизни.

Хотя Колян корчил рожи, на переменах орал и носился по классу, в целом он был безвредным существом. Пока не стащил зеркальце.

Зеркальце хранилось в учительской сумочке. Татьяна Владимировна время от времени извлекала его наружу, встряхивала прической, поворачивала голову то налево, то направо, убеждалась, что в мире существует красота, подавляла зевоту и начинала урок.

Вот это зеркальце и попало Коляну на глаза. Точнее, его ручка, торчавшая из небрежно прикрытой сумочки.

У Коляна не было злых намерений. Он просто пронесся мимо во время перемены, демонстрируя чудеса увертливости и чудом не сшибая стоящие на пути парты. И его рука как-то сама собой ухватила зеркальце за торчащую ручку. Он и не думал скрываться и продолжал сумасшедший бег, размахивая зеркальцем, подсовывая его кому-нибудь под нос и восклицая: «Накось! Выкуси!»

Потом прозвенел звонок, и что-то в бедной голове Коляна защелкнуло. Он заметался по классу, отдаляясь от учительского стола и от сумочки, будто вдруг осознал исходящую от них угрозу. А потом и вовсе оказался в последних рядах и, пытаясь замести следы своего нечаянного преступления, куда-то это злополучное зеркальце сунул. Вошла учительница, мы вскочили и замерли рядом с партами. Татьяна Владимировна кивнула, класс дружно выдохнул и опустил за столы, а она привычным движением потянулась к сумочке. И не обнаружила там любимого зеркальца.

На лице Татьяны Владимировны вдруг вскипела жизнь, сделав его неузнаваемым, почти некрасивым. Все, даже любимцы-солдатики, почуяли неминуемую беду.

– Кто позволил лазить в мою сумку? – Татьяна Владимировна произнесла это с незнакомыми интонациями.

– Кто взял зеркало?

Кто-то из солдатиков тут же поднял руку.

– Ты?

– Нет, – испугался ответчик. – Это Колян взял. Я видел. Он с ним бегал.

– Не я, не я! – заканючил Колян, и было видно, что ему очень страшно.

– Где зеркало, я вас спрашиваю?

Колян все продолжал ныть и отнекиваться. Было видно: толку от него не добиться. И Татьяна Владимировна, все больше гневаясь, сменила тактику.

– Кто был в классе на перемене? Кто последним видел зеркало? А ну, встать!

Встали почти все. Только четыре девочки остались сидеть.

– По стойке смирно. Руки за голову! Будете так стоять, пока зеркало не найдется.

Мы встали и неуверенно заложили руки за голову. Как в кино про бандитов. Или про террористов. Террористы кладут руки за голову, когда их ловят. Или они сами велят кому-нибудь положить руки за голову.

И так мы все стояли перед Татьяной Владимировной, весь первый класс. Она сидела за столом, листала журнал и на нас не смотрела.

Одна маленькая девочка в последнем ряду вдруг подняла руку и начала ею трясти. Мы всегда так делали, чтобы нас спросили. А девочка не просто трясла рукой, она даже подпрыгивала от нетерпения.

– Я знаю, где оно! Я знаю! – громко зашептала девочка. Ребята стали переглядываться. И учительница, наконец, обратила на нее внимание:

– Я тебя слушаю!

– Вот оно, в ведре!

Все обернулись и посмотрели, куда указывала девочка. Среди бумаг в мусорной корзинке виднелась ручка зеркала. Колян, осознав, что его разоблачили, страшно завыл и бросился вон из класса.

Татьяна Владимировна подошла к корзинке, извлекла оттуда зеркало, потом вернулась к столу, резко схватила сумочку и тоже быстро вышла. Дверь громко хлопнула. Хотя хлопнуть дверью было нельзя и учительница постоянно за это боролась. Но теперь она сама хлопнула дверью и ушла. А мы остались стоять «руки за голову». И не знали, что делать. Некоторые мальчишки стали опускать руки и садиться. А девочки все стояли: вдруг Татьяна Владимировна вернется? Но затем сели и они. И все стали разговаривать, шуметь.

Прозвенел звонок. Это был звонок с последнего урока. В обычные дни Татьяна Владимировна строила класс парами и вела вниз по лестнице, к родителям, ожидающим в вестибюле. А сейчас вести нас было некому. Поэтому мы еще немного посидели, а потом кто-то из мальчишек крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.